

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ДЕНЕЖНЫХ ИНСТИТУТОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИДЕЙ ДЖ. М. КЕЙНСА

Д.Б. КОПТЮБЕНКО

*кандидат экономических наук, первый заместитель главного редактора
ежедневной деловой газеты РБК daily
e-mail: koptubenko@mail.ru*

В статье проводится анализ денежного хозяйства на Севере России во время Гражданской войны. Особое внимание уделяется роли британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса в создании в регионе аналога института валютного управления – Эмиссионной кассы. Делается вывод о двойственном характере его детища для экономики региона и оккупировавших его стран Антанты. Рассматривается вопрос о применимости полученных результатов для корректировки современных денежных институтов с супержесткой фиксацией валютного курса.

Ключевые слова: *денежные институты, Дж. М. Кейнс, Гражданская война*

Коды классификатора JEL: N24

Глобальная структура денежных отношений претерпевает в настоящее время коренную трансформацию. Доллар как основная резервная валюта большинства центральных банков все более уступает позиции укрепляющейся общеевропейской денежной единице. Этому способствует зародившийся в США в 2007 году финансовый кризис и последовавший вслед за ним спад экономической активности в первой по величине экономике мира. Коренные изменения претерпевает и финансовая система. Недоверие к инструментам денежного рынка привело к невиданному доселе росту стоимости основных видов сырья. Параллельно с этим процессом происходит укрепление региональных центров силы, прежде всего стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Не исключено, что в недалеком будущем мир увидит рождение новых валют, которые не будут ограничены национальными экономиками. Одновременно на второй план уходят валюты, которые в прошлом играли ключевую роль – британский фунт стерлингов, швейцарский франк и ряд других. В результате уже «в ближайшем будущем в мире может остаться меньшее количество основных валют, которые будут конкурировать друг с другом» [12].

Это создает определенные трудности для малых экономик с собственными денежными системами. Глобализация вынуждает их товарные и финансовые рынки быть более открытыми, что несет дополнительные риски, связанные с облегчением трансграничных капитальных потоков. Монетарные власти таких стран, как правило, не могут самостоятельно противостоять несущим негативные последствия действиям глобальных игроков при периодическом распространении кризисных явлений на финансовых рынках государств-лидеров. Как следствие, для подобных стран могут не подходить стандартные рекомендации по стабилизации денежного обращения, которые, как правило, сводятся к тому, чтобы отправить курс национальной валюты в свободное плавание, даже если золотовалютные резервы их центральных банков значительны. Опыт показывает, что уже при первых симптомах паники среди институциональных инвесторов резервная подушка может в мгновение ока истощиться, несмотря на, казалось бы, внушительные размеры, а многомиллиардные кредиты Международного валютного фонда и Всемирного банка лишь отсрочат наступление экономического и финансового кризиса.

Поэтому не удивительно, что с 90-х годов прошлого века наблюдается ренессанс денежных институтов, чьей характерной чертой является *hard peg*, или жесткая привязка национальной денежной единицы к одной из так называемых валют-якорей. В таком случае традиционное укрепление национальной валюты и, как следствие, худшие конкурентные условия для местных производителей компенсируются большей надежностью в монетарной сфере. Среди подобных институтов один из наиболее любопытных – валютное управление (*currency board*), характеризующийся супержесткой фиксацией курса национальной валюты к одной или нескольким глобальным валютам. С распадом СССР институт валютного управления стал особо популярен среди бывших прибалтийских советских республик, а также ряда стран бывшего СЭВ, ранее входивших в поле влияния Москвы.

Малоизвестно, что и в истории России есть один пример действующего валютного управления. Во время Гражданской войны 1918-1920 годов Эмиссионная касса, как тогда на французский манер было модно называть этот институт, действовала в Северной области, объединившей под влиянием оккупационных властей стран Антанты Архангельскую, Мурманскую и часть других областей Севера России. Причем ее создателем считается никто иной, как Джон Мейнард Кейнс, архитектор мировой денежно-кредитной системы периода от окончания Второй Мировой войны и вплоть до середины 70-х годов прошлого столетия. Данная работа призвана указать на положительные и отрицательные последствия учреждения валютного управления в России. Полученные результаты позволят более четко указать на рамки применимости данного института в современных экономиках.

Предпосылки учреждения валютного управления

Система валютного управления возникла и получила наибольшее распространение в британских колониях начиная с середины XIX века. Первое валютное управление было введено в Мавритании в 1849 году, хотя законодательная основа для его учреждения еще раньше, в 1847 году, была сформирована в Новой Зеландии. В дальнейшем – в XIX веке и в начале XX века – система валютного управления распространилась на ряд других колоний. Свое классическое выражение она получила в странах Западной Африки: в 1913 году было учреждено Западно-Африканское управление. Более поздние валютные управления в колониях Великобритании образовывались по типу Западно-Африканского, более ранние, первоначально имевшие более широкий спектр функций, реформировались по этому же образцу.

Аргументы академического характера для учреждения валютного управления основывались на постулатах валютной школы (*currency school*), которая, наряду с банковской школой (*banking school*), была мейнстримом экономической мысли Великобритании середины XIX века. Ее идейным вдохновителем был Давид Рикардо, последовательно выступавший за ограничение эмиссии бумажных денег. «Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, – писал он в своих «Началах политической экономии», – все же при ограничении их количества меновая стоимость их так же велика, как и стоимость монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах» [15, с. 307]. И далее: «[Н]ет, очевидно, никакой необходимости, чтобы бумажные деньги для обеспечения их стоимости подлежали размену на монету. <...> Опыт, однако, показывает, что ни государство, ни банк не пользовались правом неограниченного выпуска бумажных денег без злоупотребления им. Поэтому в каждом государстве выпуск бумажных денег должен подчиняться известным ограничениям и контролю. И трудно указать лучшее средство для достижения этой цели, чем обязанность тех, кто выпускает бумажные деньги, платить за каждый предъявляемый билет золотом в монете или слитках» [15, с. 308, 310].

Впрочем, по мнению Жана-Франсуа Понсо, исследовавшего опыт работы Эмиссионной кассы в России, идейные корни валютного управления восходят еще дальше – к

Давиду Юму, согласно которому изменение в объеме денег в обращении должно определяться, в конечном счете, эквивалентным изменением валютных резервов, то есть для случая колонии или зависимой страны соответствовать притоку или оттоку резервной валюты или драгоценного металла из-за границы и за границу [20].

Самой интересной для нашего анализа представляется одна система, так или иначе вобравшая в себя свойства валютного управления - эмиссионная система Индии конца XIX - начала XX века. Она важна не только потому, что впоследствии стала эталоном валютного управления, но и вследствие того, что именно с ней был хорошо знаком Джон Мейнард Кейнс. И именно на основе индийского опыта он строил предложения по организации денежного обращения в Северной области России во время оккупации ее странами Антанты.

Денежная система Индии с 1899 по 1914 год фактически ничем не отличалась от исследуемого нами института, хотя власти страны официально не признавали ее валютным управлением с вытекающими из этого жесткими ограничениями на объемы эмиссии и резервов. «Тот факт, что правительство Индии пришло к созданию этой системы, но никогда ясно не заявляло о своей приверженности ей, привело к некоторому недопониманию действительного ее характера. Однако прошедшая экономия усилий на объяснении ни в коей мере не ухудшила присущих системе свойств», – писал в 1913 году Кейнс в книге «Индийская валюта и финансы» [19, р. 4–5]. Там же он подчеркивал, что тенденция к накоплению стабильных активов в качестве резервов была общей для центральных банков Европы, то есть он не делал принципиального отличия между институтом центрального банка, обладающих золотыми резервами, и институтом валютного управления, где функцию резервов выполняла валюта метрополии. Основной системы было лишь ограничение на объем эмиссии, который зависел от объема резервов [19, р. 25].

Впрочем, Кейнс признавал, что подобная система имела и свои недостатки. Основным из них была неповоротливость экономики, которая не могла быстро приспособиваться к изменениям из-за того, что рост объемов внутренней торговли мог быть обеспечен дополнительными объемами валюты лишь в случае положительного торгового баланса. Решение вопроса о негибкости денежной системы при валютном управлении Кейнс видел в предоставлении монетарным властям возможности более широкого выбора инструментов для инвестирования резервов. Прежде всего, речь шла о возможности предоставления управляющим валютным резервом инвестирования средств в местные ценные бумаги, тем самым увеличивая денежное предложение [19, р. 58–59]. Этого подхода он придерживался и в дальнейшем, в частности при разработке рекомендаций для организации денежного обращения на Севере России, где также произошел отход от ортодоксального варианта валютного управления. Как будет показано ниже, здесь вышли наружу противоречия, связанные с денежным обращением при суперфиксированном валютном курсе, заключающиеся либо в чрезмерной его негибкости, либо в опасности обесценения доли резерва, инвестированного в локальные ценные бумаги.

Опыт валютного управления в России

Первая мировая война отложила серьезный отпечаток на финансах всех участвовавших в ней стран. «Огромное увеличение массы денежного обращения, сокращение товарного снабжения и огромный рост цен являются наиболее выдающимися чертами экономических перемен, имевших место во время войны и после нее», – писал в 1920 году Густав Кассель [10, с. 12]. Не удивительно, поэтому, что к моменту образования на территориях, охваченных Гражданской войной, местных правительств, эмитировавших собственные деньги, Россия подошла с изрядно разрушенным денежным хозяйством. Причины этого явления следует искать в особенностях денежно-кредитной политики в период Первой мировой войны и политическом кризисе 1917 года. Почву

для внедрения местных валют подготовили рост инфляции, возникновение суррогатов национального масштаба и осложнение транспортного сообщения между региональными центрами и двумя российскими столицами.

Советник британских военных сил по финансовым вопросам Доминик Спринг Райс, прибывший в Россию в 1918 году, так описывает увиденную им картину: «В дополнение к различным выпускам царского режима, тысячным и 250-рублевым банкнотам, выпущенным Думой сразу после свержения царя, «пивным ярлыкам» Керенского, различным аннулированным выпускам казначейских векселей, эмитированных властями, на смену которым пришли большевики, обычно в российских регионах обращались неоплаченные купоны, местные бумажные деньги и в некоторых случаях, как в Архангельске, казначейские векселя региональных властей, которые также выполняли функцию денег. Золото и серебро, как и следовало ожидать, исчезло из обращения задолго до этого, в соответствии с тем же законом тезаврировались также и царские банкноты» [21, р. 281].

Многообразие видов денег во многом способствовало попытке унификации денежного обращения в Северной области, предпринятой, начиная с осени 1918 года, британцами под руководством Кейнса. То, что именно Кейнс, который в то время был чиновником казначейства, ответственным за военные финансы, и одним из ведущих английских специалистов по вопросам функционирования монетарных институтов в колониях, предложил в итоге вариант создания в области валютного управления, подтверждается и свидетельствами его коллег [21, р. 284], и официальными документами [17, р. 47].

О предложениях Кейнса, легших в основу архангельской Эмиссионной кассы, известно по нескольким британским и французским архивным документам. Часть из них, прежде всего несколько вариантов работы Кейнса «Меморандум о мерах финансового характера в Северной России», впервые были процитированы Жаном-Франсуа Понсо. Кроме того, Стив Ханке и Курт Шулер [17], которые первыми описали особенности, отличавшие российское валютное управление от других, обнаружили в архивах две телеграммы, посланные Кейнсом финансовому консультанту британского министерства иностранных дел. Ряд материалов содержится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Кейнс обосновывал создание валютного управления в Северной области необходимостью поставить эмиссию и оборот денег на стабильную основу, поскольку пестрота форм средств обращения входила в противоречие с интересами интервентов и могла стать препятствием развитию торговли после того, как в регионе была бы установлена политическая и экономическая стабильность. Неудобство создавал и непропорционально высокий обменный курс местных денег к иностранным валютам, увеличивающий издержки оккупантов. «Сейчас они [локальные и общероссийские выпуски денег] остаются в обращении только по привычке. [...] Обменный курс рублей, которые находятся на руках у населения, полностью не соответствует их покупательной способности и может сохраняться на этом уровне только в текущих искусственных условиях. Покупательная способность сократилась с 1/12 до 1/16 от прежней ценности, в то время как обменный курс снизился лишь с 1/3 до 1/5 от номинала», - писал Кейнс.

Предложенная Кейнсом схема организации денежного обращения основывалась на принципе наличия обеспечения для валюты в обращении, что было возможно лишь при принятии строгих правил эмиссии. По его мнению, она должна была включать «независимое Обменное управление аналогичное тем, которые были созданы в Южной Америке и позволили вывести валюты стран региона из плачевного состояния». Сравнение с южноамериканскими странами, а не британскими колониями, которые были в большей степени знакомы Кейнсу, не случайно. Дело в том, что предложенная им схема должна была еще пройти экспертизу и быть одобрена французами и американцами, в связи с чем он всеми способами не хотел вызывать у них ненуж-

ные ассоциации, либо каким-либо другим образом указывать на британский характер предлагаемых мероприятий.

Кейнс полагал, что, согласно его плану, союзники не будут принимать на себя дополнительные риски, связанные с функционированием денежной системы на Севере, но при этом валюта будет относительно стабильной. Поэтому вместо формальной гарантии со стороны стран Антанты было предложено сформировать резерв в фунтах стерлингов, который «хранился бы Банке Англии и который был бы неотъемлемой собственностью российского Обменного управления», но не собственностью местных властей. Де юре это означало создание независимого от исполнительной власти монетарного органа. На этом основании Кейнс опровергал опасения, что его проект предоставит значительную свободу действий местному правительству. Эффективность же функционирования денежной системы, равно как и непосредственные интересы союзников, должны были бы обеспечиваться за счет введения в правление эмитента британских финансовых консультантов. Размещение фунтовых резервов Эмиссионной кассы на счетах в Банке Англии, а не непосредственно в Архангельске позволяло также избежать риска потери британских инвестиций в становление стабильной денежной системы в случае изменения ситуации на фронте и захвата Архангельска большевиками.

В целом разработанная Кейнсом модель функционирования Обменного управления совпадала с институтом валютного управления, или, на французский манер, эмиссионной кассы (*Emission caisse*). Его основной функцией было обеспечение автоматического и неограниченного по суммам и срокам обмена новой валюты на фунты стерлингов и наоборот. Курс обмена, согласно предложению, был фиксирован на уровне 40 рублей за фунт. Погашение рублей и обмен их на фунты осуществлялось бы путем выписывания чеков на лондонские банки. Любая новая эмиссия рублей становилась бы невозможной без соответствующего увеличения фунтовых резервов в Банке Англии, либо текущих запасов фунтов в распоряжении самой эмиссионной кассы.

Предложение Кейнса предусматривало два послабления по сравнению с ортодоксальным вариантом этого института. На Эмиссионную кассу возлагалась функция изъятия из обращения банкнот старого образца, имевших хождение на территории Северной области. Второе послабление заключалось в возможности предоставления местным властям в ограниченном объеме самостоятельно выпускать новые деньги. Тем самым, Кейнс отказывался от соблюдения основного принципа, лежащего в основе этого института – 100-процентного резервного покрытия эмиссии. Согласно его плану предусматривалась ограниченная эмиссия банкнот «в обмен на казначейские векселя местного правительства на сумму не более одной трети от общего объема денег в обращении». Это следовало понимать не как право местных властей на эмиссию трети всех денег нового образца, но как право на эмиссию денег в объеме одной трети от количества денег, уже выпущенных Эмиссионной кассой под обеспечение фунтами стерлингов. Таким образом, речь шла о праве архангельского правительства на эмиссию до 25% всего объема новых денег.

Вероятно, Кейнс осознавал опасность, исходившую из чрезмерной свободы для центрального эмиссионного учреждения в условиях военного времени в регионе, который еще годом ранее не имел опыта собственного выпуска денег. Поэтому, проектируя валютное управление, он мог исходить из хорошо знакомой ему схемы функционирования аналогичных институтов в Северной Африке и Индии, не модифицируя их, несмотря на признаваемые им самим недостатки. Действительно, как отмечают Ханке и Шулер, эмиссионная касса Северной области «работала по подобию Североафриканского валютного управления, которое было создано для британских колоний региона в 1912 году и стало моделью для многих похожих управлений в других британских колониях в первой половине этого [XX] века. Касса в некоторых чертах также походила по строению на денежную систему Индии, с которой Кейнс был хорошо знаком» [17, с. 48–49].

Принять предложение британской стороны вынудили союзников, с одной стороны, и временное правительство Северной области, с другой, разные причины. В соответствии с секретными договоренностями союзников русский север попадал в сферу влияния Великобритании, также как юг России – Франции, поэтому Лондон мог вполне обоснованно требовать соблюдения приоритета их интересов. Но французы и американцы понимали и необходимость срочного вмешательства в финансовые дела Архангельска. Уже к 23 октября 1918 года, по косвенным данным, они в основном достигли соглашения с англичанами [2, с. 68–93].

Российская администрация, несмотря на жесткие условия эмиссии, понимала, что выпуск «северных рублей», как позднее стали называться деньги, эмитировавшиеся Эмиссионной кассой, становился дополнительным источником дохода. Во-первых, условия Кейнса предоставляли возможность получения сеньоража от эмиссии в рамках той доли, которая приходилась на архангельские власти. Во-вторых, предполагалось, что Касса и местное правительство будут поровну делить между собой доходы от эмиссии до тех пор, пока Касса не аккумулирует дополнительные 10% резервов для покрытия эмиссии. В дальнейшем же весь доход предусматривалось зачислять на счета местного правительства [17, р. 49].

В связи с этим председатель Верховного правительства Северной области Чайковский писал в Лондон по поводу заключаемого им с правительством Великобритании финансового соглашения, что последним был предложен «совсем особый план финансовой помощи», причем с той «убедительной» ссылкой, что он уже «практиковался» ранее в некоторых странах Южной Америки, где дал «прекрасные результаты». Нуланс в своих мемуарах также подтверждает, что Чайковский был чрезвычайно рад, что в итоге в Архангельске появятся английские рубли [11, с. 119-120].

Предложение Кейнса в действии

Правительство Чайковского утвердило проект эмиссии, список четырех членов Эмиссионной кассы и англичанина-председателя (особого финансового советника), кандидатура которого согласовывалась с британским правительством, а также возложило выпуск новых денег на Эмиссионную кассу 1 декабря 1918 года. Появление новых денег не осталось незамеченным местным населением, несмотря на то, что первоначальные объемы эмиссии были довольно скромными по сравнению с общим объемом денежной массы в регионе. По свидетельству британского уполномоченного, по состоянию на середину октября 1918 года в Северной области обращалось около 600 млн рублей всех видов [17, р. 50], или примерно 1000 рублей на одного человека, то есть объем эмиссии северных рублей, предполагавшийся к выпуску, был вшестеро меньше. И все же местные политики были всерьез обеспокоены тем, как новые деньги повлияют на покупательную способность старых. «Они особенно боялись всего того, что их анти-большевистские коллеги из партий Колчака и Алексева (Деникина) могли воспринять как попытку обесценить всероссийский рубль» [21, р. 285]. Дискуссия на заседаниях Временного правительства того времени подтверждает наблюдение британского представителя. Несмотря на то, что к началу января 1919 года северный рубль уже занял прочное место в денежной системе региона, члены кабинета Чайковского продолжали искать альтернативные способы стабилизации курса денег и пополнения местного бюджета [7].

Однако северные рубли пользовались большой популярностью среди местных предпринимателей. «Почти все они быстро наполнили бумажники купцов и заводчиков, спекулянтов и торговых агентов, английских и русских офицеров» [16, с. 6–7]. Причем спрос на них был настолько велик, что новые знаки быстро исчезали из обращения [13].

Лето 1919 года стало поворотным моментом в жизни Северной области. Белые власти региона наметили на этот период масштабное наступление на юге с целью соединения с сибирскими войсками. Однако широкомасштабного наступления не получилось. Из опасений краха белого движения в регионе увеличилась спекуляция

валютой, а также северными рублями, участились случаи коррупции [9, с. 311]. Спекуляцией северными рублями занимались и англичане. Из секретной телеграммы, датированной 22 августа 1919 года, следует, что «ввозимые на Север Норвегии без надлежащего разрешения северные рубли скупаются в больших количествах английскими агентами по 32 эре вместо паритета 46 эре. Скупленные билеты вывозятся из Норвегии помимо установленного здесь контроля» [5].

Однако настоящим испытанием для северного рубля стал уход союзников из Архангельска. Несмотря на то, что юридически Эмиссионная касса считалась органом временного правительства, на деле это было чисто британское детище. Поэтому изменения в ее работе были неизбежны. Угроза скорого захвата Архангельска большевиками вынудила руководство кассы искать новое место для головного офиса. Изначально рассматривалась возможность открыть его на юге России, где позиции белых были еще достаточно сильны. Однако в итоге было принято решение не рисковать и перевести все операции непосредственно в Лондон. Не дожидаясь распоряжений о ликвидации, которые должны были поступить от Временного правительства, сотрудники кассы незамедлительно начали подготовку к прекращению работы [6].

В результате перевода операций в Лондон касса не прекратила свое существование. Основной ее задачей оставалось конвертировать уничтоженные союзниками деньги в фунты. Несмотря на жесткие ограничения, связанные с порядком погашения северных рублей, ликвидационному совету Эмиссионной кассы не удалось спасти ее от убытков. Последние были логичным следствием послаблений по сравнению с ортодоксальным валютным управлением, которые сделал Кейнс, проектируя российский вариант этого института. Насколько известно, официальных данных об убытках кассы не сохранилось, однако простые расчеты указывают на то, что их сумма не была значительной. На момент ликвидации кассы на ее балансе находилось векселей временного правительства на 29 млн рублей. Английское правительство обещало оплатить их фунтами в установленные сроки [3]. Известно также, что большая часть из 13,5 млн рублей, которые, по данным британских источников, оставались на руках у населения на момент эвакуации офиса кассы из Архангельска, так и не были предъявлены к погашению. Чистые потери англичан составили разницу между этими двумя суммами – около 15,5 млн рублей, или 378 тыс. 500 фунтов. Для сравнения: в целом на северную интервенцию Великобритания, которая несла наибольшую часть союзных расходов, потратила более чем в 60 раз больше – 23 млн 135 тыс. фунтов [8, с. 336]. В связи с этим Нуланс писал, что «английское командование окупило все свои расходы в новых рублях, освобождая таким образом английскую казну, которая взяла на себя только незначительные оккупационные расходы».

Нельзя утверждать, что убытки для Эмиссионной кассы, какими незначительными они ни были, автоматически означают какой-либо дополнительный выигрыш, который получили те или иные силы в самой России или за ее пределами. «Во время нашего отъезда и последующего краха белогвардейского движения, – вспоминал позднее генерал Айронсайд, – в обращении были миллионы наших купюр. Я частенько задумывался, кто же проиграл на этом и кто в действительности оплачивал издержки северно-русской экспедиции». По некоторым данным, после закрытия отделения Эмиссионной кассы в Архангельске значительный объем северных денег остался в распоряжении местного населения. Западные исследователи, как уже говорилось, называют цифру в 13,5 млн рублей.

Итоги работы валютного управления в России

Что представляли собой деньги Эмиссионной кассы, просуществовавшей без малого полтора года на Севере России? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Выпустившие их в обращение союзники, по сути, оккупировали северные территории страны, но основные характеристики оккупационной валюты не были присущи северному рублю [1]. Союзники старались всячески дистанцироваться от опыта

германских оккупантов, которые высасывали соки из экономики занятых областей. «Дружеский» характер союзнической миссии на Севере России, который они сами старались придать ей, заставлял их по-своему решать типичные денежные проблемы военного времени.

Сами же проблемы были аналогичны тем, с которыми приходилось сталкиваться их врагам. Это, в первую очередь, серьезный упадок денежного обращения к моменту оккупации. Его следствия – инфляция и, в некоторой степени, общее снижение уровня жизни и экономической активности населения – не могли не затрагивать интересы союзников. С одной стороны, инфляция вкупе со структурными нарушениями валютного курса могли привести к росту затрат на содержание армейского контингента, а вызванное снижением доходов недовольство населения и дезорганизация местных военизированных структур – к необходимости увеличивать размер самого гарнизона.

Эмиссия северных рублей стала адекватным ответом на те вызовы, с которыми столкнулись союзники. Современные зарубежные исследователи считают английский денежный эксперимент в Северной области успешным. Основанием для такого решения было, по их мнению, то, что за весь период существования Эмиссионной кассы эмитируемая ею валюта не отклонялась от определенного в начале курса к фунту [17, р. 55]. Стабильность английского рубля тем более замечательна, что изначально был ясен краткосрочный характер интервенции союзников [11, с. 13]. Как правило, уверенность в стабильной покупательной способности валюты зиждется в значительной степени на ожиданиях ее долгосрочного хождения на рынке.

В связи с этим возникает резонный вопрос: почему же тогда и Спринг Райс, и сам Кейнс признавали (еще до начала реализации эксперимента), что новая валюта на начальном этапе своего существования (которым, собственно, ее существование и ограничилось) должна была вызвать отторжение со стороны широких кругов русской общественности.

Тому есть несколько объяснений, ставящих под сомнение успех операции под названием «валютное управление для России». Спринг Райс считал основной причиной недоверия к новой валюте опасения относительно того, что ее появление приведет к обесценению существующих выпусков, и приписывал эти страхи правительствам большинства российских белых регионов. Кроме того, он ссылаясь на «характерное» мнение, согласно которому новые деньги не могли бы играть существенной роли во внутреннем обороте области и обеспечивали бы лишь ее внешнеторговые сношения. На это он справедливо отмечал, что в условиях военного времени и в той ситуации, в которой оказалась Северная область, отрезанная от традиционных каналов поставок товаров первой необходимости, именно внешняя торговля должна была играть основную роль в нормализации экономической жизни.

Между тем, первая и основная проблема, связанная с появлением в Северной области новой валюты, связана с фискальными ограничениями, которые она наложила на администрацию Архангельска, вынужденную нести значительные расходы на ведение войны, которая и без того была ей не по средствам. С началом активных боевых действий с частями красной армии Северная область оказалась не только отрезанной от источника капитала, но и потеряла каналы поставки товаров первой необходимости. Отныне их приходилось завозить морем из союзнических стран, что, прежде всего, вело к удорожанию продовольствия.

В свою очередь разрушение хозяйства северных территорий привело к сокращению налоговых поступлений в казну. По данным финансового отдела Временного правительства, на 21 февраля 1919 года доходы региона составили 2 984 776 рублей, при этом только на содержание пока еще небольшой армии в марте правительство выделило 4 млн рублей [14]. Положение не улучшалось и в дальнейшем, о чем свидетельствует июльский доклад отдела финансов. Из него следует, что бюджет Северной области мог исполняться без проблем только благодаря помощи англичан, которая в той или иной форме должна была составлять в доходах более 50%.

В этих условиях правительство могло рассчитывать лишь на два серьезных источника доходов: кредиты из-за рубежа, которые можно было привлечь в обмен на долгосрочные сырьевые концессии, либо эмиссия в виде обращающихся вексельных займов. Но упор на зарубежные заимствования расходился с основными принципами денежной реформы по Кейнсу. Он отвергал любую финансовую схему для России, которая предусматривала бы какие-либо ссуды для Временного правительства, из тех соображений, что оно никогда не смогло бы предоставить достаточных гарантий их возврата, а также что любые переговоры о предоставлении соответствующей гарантии могли занять слишком много времени.

Единственной уступкой по отношению к местным властям стал отход от принципов ортодоксального валютного управления в части 100-процентного обеспечения эмиссии, давший право Временному правительству получить для своих нужд около 33 млн северных рублей под обеспечение казначейских векселей. Однако принятие этого условия не могло решить всех фискальных проблем региона, ведь по уставу Эмиссионной кассы доля эмиссии, приходившаяся на местную администрацию, напрямую зависела от объема резервов кассы, или, другими словами, от объема расходов английских военных, покупавших северные рубли за фунты стерлингов.

Сложно представить, как развивались бы события, если англичане не стали бы идти на уступки Временному правительству и, в стремлении избежать риска обесценения северного рубля, остались привержены ортодоксальному варианту валютного управления со 100-процентным резервным покрытием эмиссии. Но даже то послабление, на которое решились в Лондоне, по-видимому, непросто им далось. Ведь, как следует из документов, подготовленных Кейнсом, именно ограничения в адрес Временного правительства должны были стать основным принципом предлагавшегося им плана. «Условие сохранения новой валюты должно быть [...] в тесной связи с контролем и ограничениями на объем расходов местных российских властей», – считал он [20].

Впрочем, и в той форме, в которой институт валютного управления был воплощен в России, он придал дополнительные сложности финансовому хозяйству Северной области. Появление новой стабильной валюты привело к вытеснению общероссийских выпусков и суррогатов, эмитируемых местными властями, из обращения, и их обесценение. Это сильно сузило возможности правительства осуществлять эмиссии Займа доверия, которые могли хоть как-нибудь выправить положение с финансированием бюджета. К концу декабря 1918 года долг властей перед Эмиссионной кассой составлял уже 14,2 млн рублей, что примерно соответствовало лимиту новых рублей, выделенных на архангельскую администрацию, на тот момент. Между тем, ежемесячный доход правительства составлял лишь около 500 тыс. в пересчете на новые рубли.

Следствием недостатка финансирования, связанного с жесткими монетарными ограничениями, стал спад промышленного производства в регионе. По сравнению с 1918 годом более чем вчетверо сократилась выработка древесины, производительность труда на заводах упала более чем на 20%. Начала свертываться деятельность рыбопромысловых артелей. Так, численность судов, занятых рыбными промыслами на Мурмане, сократилось с 1116 в 1913 году до 250 в 1919 году. Кризис обострился и в сельском хозяйстве – сократились посевные площади, поголовье скота уменьшилось на 20-30% [8, с. 210].

Конечно, жесткие эмиссионные рамки валютного управления – не единственная и, должно быть, далеко не основная причина кризисных явлений в экономике региона, где была объявлена мобилизация основной части занятого населения, и нехватка рабочих рук зачастую была более опасной, чем отсутствие денег. Однако представляется, что не будь финансовых ограничений, влияние других факторов было бы несколько менее серьезным.

Из вышесказанного очевидно, что, несмотря на дополнительные финансовые возможности, которые предоставила российскому правительству Эмиссионная касса, бюджетные поступления от этой схемы были скудными сравнительно с совокупными потребностями казны. Кроме того, ограничения, вытекающие из сотрудничества с британцами, были настолько серьезными, что поиск денежных средств из других

источников стал крайне затруднительным. Отсюда можно сделать вывод, что проект учреждения в Северной области валютного управления имел не только сильные, но и слабые стороны, причем распределение выгод среди заинтересованных сторон было непропорциональным. Положительные плоды стабилизации денежного обращения пожинали союзники, в первую очередь англичане, а дополнительные издержки несли и без того ослабленные войной российские власти. Это прямо признавали и власти Северной области. Поэтому в течение всего времени оккупации Архангельска войсками Антанты они не оставляли надежду запустить проект эмиссии собственных денег, которые носили бы постоянный характер [3].

Впрочем, все это еще не означает, что валютное управление в Северной области потерпело неудачу. Для того чтобы оценить меру успеха или неуспеха этого мероприятия, необходимо ответить как минимум на три вопроса: отвечала ли предложенная Кейнсом схема декларируемым англичанами и русскими целям, были ли достигнуты с ее помощью действительные цели, которые преследовали в Лондоне и, наконец, насколько правомерно использовать следствия из опыта Эмиссионной кассы для того, чтобы делать далеко идущие выводы для института валютного управления вообще и его применимости в тех или иных условиях в современном мире в частности.

Идея создания на подконтрольных союзникам российских территориях валютного управления, согласно одной из телеграмм, посланных Кейнсом в британский МИД, основывалась на необходимости решения проблемы недостатка наличности в регионе, что грозило «катастрофическими» последствиями. Выбор именно такого механизма обеспечения эмиссии объяснялся срочностью требуемых мероприятий, а также «российским» характером этого учреждения. Дальнейший ход событий показал, что большая часть из задуманного Кейнсом действительно была воплощена в жизнь. С помощью Эмиссионной кассы британцам удалось предотвратить экономическую катастрофу в регионе в кратчайшие сроки, что было бы невозможно, если бы продолжались согласования по поводу Союзного банка.

Таким образом, следует говорить о половинчатом характере финансовых мер, предпринятых в Северной области для стабилизации денежного обращения. За счет жесткой привязки северного рубля к курсу фунта стерлингов удалось обеспечить регион валютой, не подверженной инфляции. Это следствие всемерно подчеркивают те, кто видит в институте валютного управления способ решения монетарных проблем в кризисные периоды [18, р. 6–7]. При этом из виду упускается вопрос о достаточности поставленной цели сокращения инфляции до уровня страны-донора валютного управления. Опыт Северной области 1918–1919 годов говорит нам о том, что стабилизации курса рубля было явно недостаточно. В условиях Гражданской войны на передний план выступила необходимость финансирования военных действий. Без выполнения этого условия любые другие меры становились бессмысленными, ведь главной задачей Временного правительства было защитить регион от посягательств Красной армии.

В свете этого справедливыми представляются слова Джеймса Тобина: «Валютное управление приносит в жертву реальные макроэкономические показатели – производство, доходы, экономический рост, торговлю, сбережения и инвестиции – ради стабильности валюты и стремления подавить инфляцию. Рекламируемые успехи этого механизма затрагивают в основном эти два узкие показателя. . . Однако реальным испытанием эффективности проводимой политики является не подавление инфляции, жертвуя процветанием, а подавление инфляции с одновременным достижением полной занятости и приемлемых темпов роста экономики» [22].

Поэтому выводы из опыта функционирования валютного управления в России и странах периода колониализма, по лекалам которых была создана российская Эмиссионная касса, не могут однозначно стать аргументами в пользу этого института как такового. Как правило, приверженцы схемы со 100-процентным резервированием иностранной валюты говорят о благах, которые она несет для стран-«реципиентов», или тех, кто учреждает валютное управление на своей территории. Однако рассмотренный нами пример показывает, что это справедливо разве что для страны-«донора».

Заключение

Историю создания валютного управления на Севере России по рекомендациям Кейнса стоит воспринимать как опыт временной стабилизации денежного обращения. При всем своем кажущемся совершенстве этот институт несет в себе существенные отрицательные черты, и поэтому его использование было сопряжено с ухудшением экономического положения коренного населения региона. Для верхних же слоев общества и интервентов он принес скорее благо, нежели дополнительные проблемы. А поскольку именно союзники сыграли ключевую роль в становлении белой Северной России и организации фронта против большевиков, продержавшегося больше года, то опыт работы валютного управления в регионе, облегчивший им существование, следует признать вполне успешным. Но ни в коем случае его нельзя использовать в качестве доказательства универсального характера этого института, как это делало большинство исследователей.

Столь же осторожно стоит относиться и к другим рецептам стабилизации или оптимизации денежного обращения, которые обещают скорое решение всех проблем. Новые концепции отказа от системы независимого центрального банка, переживающие в настоящее время ренессанс, могут при неаккуратном воплощении привести к кризису, последствия которого могут быть значительно большими, нежели те недостатки традиционных установлений, которые они стремятся устранить. Все они пытаются устранить человеческий фактор из денежной системы, лишить возможность использования государством средств воздействия на денежную массу. Результатом грозит стать либо негибкость системы, что подтверждается опытом работы валютного управления на Севере России, либо чрезвычайная ее подверженность оппортунизму со стороны участников рынка.

Таким образом, нельзя считать институт, эффективный в определенном месте и при определенных условиях, применимым в любых случаях, несмотря на его привлекательность с теоретической и идеологической точки зрения. Валютное управление хорошо зарекомендовало себя в британских колониях в XIX веке, чей суверенитет нельзя было подорвать жесткой привязкой к валюте-«якорю» и где государство-метрополия было заинтересовано в экономическом благополучии региона. В схожих условиях оказались страны Балтии после распада Советского Союза. Будучи изначально ориентированы на вхождение в зону евро и Европейский союз, они с готовностью пожертвовали независимостью денежной системы ради скорого спокойствия в экономике. Напротив, для таких стран как Аргентина, или, скажем, Россия, чьи внешнеэкономические связи диверсифицированы, а объем внутреннего валового продукта велик в абсолютных величинах, валютное управление может оказаться равнозначным приговору.

Случай Северной России, скорее всего, лежит где-то между этими двумя пограничными группами стран. Оккупированная союзниками территория могла лишь временно быть зависимой от заграницы, это осознавали как представители стран Антанты, так и русские. В результате и институт валютного управления, который был привит на северную почву, трансформировался, чтобы отвечать краткосрочным целям военного времени. Эта особенность делает его по-своему уникальным, но одновременно препятствует использованию для подтверждения или, напротив, опровержения его действительности в деле увеличения экономического благосостояния страны, которая его принимает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брегель Э. Денежное обращение и кредит капиталистических стран. – М.: Госфиниздат, 1955, Гл. 2.
2. Быкова А. Донесения и мемуары французского посла Жозефа Нуланса о начале выпуска «английских» рублей в Северной области в 1918 году // МНА «Монета». Вологда, 2000, Вып. 7.

3. ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 19. Лист 109.
4. ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 22. Лист 109.
5. ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 22. Лист 112.
6. ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 22. Лист 128.
7. ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 212.
8. *Голдин В. Журавлев П., Соколова Ф.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. – Архангельск: Изд-во «СОЛТИ», 2005.
9. *Добровольский С.* Борьба в Северной области / Гражданская война в России: Война на Севере. М.: ООО «Издательство АСИ»: ООО «Транзиткнига», СПб, Terra Fantastica, 2004.
10. *Кассель Г.* Инфляция и валютный курс. М.: «Эльф пресс», 1995.
11. *Нуланс Ж.* Моя посольская миссия в Советской России. 1917–1919 / Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Сост. В. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997.
12. *Нэш Д.* Идеальные и асимптотически идеальные деньги. Доклад на Второй международной научной конференции «Теория игр и менеджмент» (GTM2008), 26 июня 2008 года, Высшая школа менеджмента СПбГУ.
13. *Овсянкин Е.* Денежные знаки Северной России. Архконсалт, 1995.
14. *Овсянкин Е.* На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. – мифы и реальность. Архангельск, Архконсалт, 2007, Г. 5.
15. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
16. *Чистиков А.* «Меченые» деньги // Миниатюра, 1993, № 15.
17. *Hanke S., Schuler K.* Keynes's Russian Currency Board. In: Capital Markets and Development, ed. S. Hanke and A. Walters. San Francisco, ICS Press, 1991.
18. *Hanke S.* The Case For a Russian Currency Board System. CATO Institute. Foreign Policy Briefing, № 49, October 14, 1998.
19. *Keynes J.M.* Indian Currency and Finance. L: Macmillan, 1913.
20. *Ponsot J.-F.* A Forgotten Ruble Reform Set Up by J.M. Keynes. Lessons from Archives. Conference on Post-Keynesian Economics. Theory and Policy, May 13–14, 2001.
21. *Spring Rice, D.* The North Russian Currency. The Economic Journal, Vol. 29, № 115, 1919.
22. *Tobin J.* Financial Globalization: Can National Currencies Survive? Paper prepared for the Annual World Bank Conference on Development Economics, Washington, D.C. April 20–21, 1998.